

«ПРОБЛЕМА СВАТИЛИЩА ЯСУКУНИ»: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Э.В. МОЛОДЯКОВА

Доктор исторических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: святилище Ясукуни, *синто*, возрождение милитаризма, премьер-министр Японии Синдзо Абэ

Не одно десятилетие частная, казалось бы, проблема национальной религии *синто*, связанная со святилищем Ясукуни (*Ясукуни дзиндзя*), где почитаются души погибших в бою, периодически оказывается в центре внимания как в самой Японии, так и в сопредельных странах. Она не только вызывает поляризацию мнений в японском обществе, но и становится причиной серьезных конфликтов с соседними государствами, в основном, с КНР и Республикой Корея.

После победного возвращения во власть Либерально-демократической партии (ЛДП) в декабре 2012 г., последовавшего укрепления ее позиций внутри страны и активизации внешнеполитической деятельности эта проблема обрела важнейший политический и дипломатический характер.

Она увязывается с опасениями в самой Японии и за рубежом насчет возможного усиления националистических настроений. Такие опасения подпитываются определенной националистической риторикой премьер-министра Синдзо Абэ и некоторыми его действиями, в частности, посещениями святилища Ясукуни, которое рассматривается как очаг возрождения японского милитаризма. Последний его визит в святилище в декабре 2013 г. вызвал критику не только со стороны обеих Корей и КНР, но и США. Вице-президент США Дж.Байден даже пытался отговорить японского премьера от этой затеи, а когда тот не послушался, Вашингтон официально выразил «разочарование», что бывает редко в японо-американских отношениях¹.

СИНТО КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

На протяжении тысячелетий существования человечества религия являлась организующим началом. По сей день практически во всех обществах она продолжает оставаться существенным компонентом их жизнедеятельности, достаточно независимым от экономики и политики. Однако в определенных условиях религия может стать послушным инструментом в руках правящих элит, не останавливающихся перед использованием ее для создания атмосферы нетерпимости внутри страны и провоцирования международных конфликтов. В частности, в Японии в период от «реставрации Мэйдзи» (1868 г.) до окончания Второй мировой войны (1945 г.) правящие круги использовали религию - государственный *синто* (*кокка синто*) - в политических целях, превратив ее в инструмент власти. Это дало не только негативный опыт, но и сказалось на положении национальной религии *синто* в послевоенный период и во многом способствовало

появлению т.н. проблемы святилища Ясукуни.

С древних времен в *синто* присутствовала идея государственности, персонифицированная в императоре как ее первосвященнике. Поэтому он сохранял свое значение, несмотря на то, что долгий период времени практически был лишен политической власти. Во многом такое положение помогало сохранению роли национальной религии как общей для всех японцев идеологии в период укоренения и широкого распространения буддизма, который стал идеологической опорой централизованного государства. Государственный *синто* оставался не более чем культом поклонения божественным предкам императора, при сохранении народного *синто*.

В мэйдзийский период (1868-1912 гг.) правительство сделало государственный *синто* своей идеологией, средством возрождения власти императора. Позже он стал инструментом милитаристской и агрессивной политики. Новая идеология опиралась на древний принцип единства религиозного ритуала и управления государством, который был восстановлен сразу после «реставрации Мэйдзи». В обновленном виде он продолжал действовать и после того, как принятая в 1889 г. конституция гарантировала независимость религии от государства.

Возрождение *синто*, долгие годы пребывавшего на заднем плане ввиду безраздельного гос-



Святынище Ясукуни - символическая усыпальница душ погибших в боях японских воинов.

подства буддизма, преследовало не только собственно религиозные цели. Оно подчинялось задаче сплочения нации и укрепления государственности на основе религиозного сознания. Ритуалам *синто* был придан характер государственных актов, что способствовало выхолащиванию религиозной составляющей. По мнению религиоведа Синобу Орикути, государственный *синто* отказался от религиозных постулатов и, по сути, превратился в систему обрядов и ритуалов. Другими словами, он обрек себя на положение квазирелигии. Формально признавая свободу вероисповедания, государство в то же время поставило *синто* над всеми религиями. Он получил эксклюзивные права на заглавную роль в национальных ритуалах. Была установлена иерархия святилищ, принадлежавших к высшей категории, которым было даже запрещено заниматься отправлением повседневных служб. Моральное воспитание в школах сводилось к усвоению религиозных догматов. Произошло полное подчинение религии государству.

ИМПЕРАТОР ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

В государственном *синто* главной стала идеологическая составляющая. Из *синто* взяли лишь нужное в то время правя-

щей элите возвеличивание императорской династии. Согласно конституции 1889 г., «Японской империей должна управлять и над ней должна царствовать непрерывная в веках линия императоров»². Комментатор конституции Хиробуми Ито полагал, что и буддизм, и *синто* утратили свою власть как религии и не могут служить духовной опорой нации. Эта роль отводилась только императору. Он писал: «Император ведет свое происхождение от неба; его происхождение священо и божественно; он поставлен выше всех своих подданных. Он должен быть чтим и неприкосновенен»³. Другими словами, император, чей род ведет свою непрерывную историю на протяжении тысячелетий, являлся духовным ядром новой идеологии.

Подобные взгляды разделяло подавляющее большинство политиков того времени. В духовной жизни общества значимость императора сравнивали со значимостью христианства в странах Запада. Некоторые специалисты не без основания расценивали культ богини солнца Аматаэрасу, «прародительницы императорской династии», как своего рода христианизацию *синто*, т.е. превращение его в монотеистическую религию⁴. Однако усвоение западной цивилизации, которую формировало христианское мировоззрение, шло без принятия самого христианства. Оно не нужно было модернизовавшемуся японскому обществу, которое имело свою духовную основу - *синто*. Таким образом, государственная

поддержка *синто* отчасти была направлена и на отстаивание национальных идеологических форм в период начальной вестернизации Японии.

Именно в этом контексте следует рассматривать зарождение проблемы святилища Ясукуни. Признание императора духовным ядром новой идеологии повлекло за собой определенное изменение синтоистской обрядности, введение некоторых новых понятий, разработки новых ритуалов. Это способствовало появлению уже в послевоенный период мнения о том, что для решения проблемы святилища Ясукуни теологи могли изменить некоторые *синтоистские* доктрины и приспособить их к вновь возникшим политическим сложностям, о чем речь ниже.

УМИРОТВОРЕНИЕ ДУШ ВОИНОВ

Одновременно появилась идея создания специального святилища, где бы исполнялись обряды для умиротворения душ воинов, павших в междоусобных войнах за императора. Сначала оно называлось *Сёконся*, как и обряд умиротворения душ умерших. Первое здание для него было построено в 1868 г. в Киото, но с переносом столицы в Токио в том же году сюда перенесли и святилище. На холме Кудан, недалеко от императорского дворца, для него было воздвигнуто грандиозное здание. В нем стали почитать души уже всех людей, отдавших жизнь за императора. Списки погибших стали объектом поклонения в этом святилище. В то время в них числилось 3585 душ воинов. После переноса в Токио святилище *Сёконся* получило статус национального, а с 1879 г. стало называться *Ясукуни*, что означает «мирная страна», или «мирно управляемая страна», получив ранг особого императорского святилища. Знаковый статус *Ясукуни дзиндзя* подчеркивался тем, что оно находилось не в ведении министерства внутренних дел, как другие святилища, а в ведении министерства армии и военно-морского флота, которое назначало в него священнослужителей, а также министерства

императорского двора, что свидетельствовало о его теснейшей связи с императором.

Согласно концепции *кокутай* (государственный организм), которая представляет собой специфическую японскую государственную общность, объединяющую императора, народ и собственно острова в естественное единое целое, император олицетворял собой государство⁵. Поэтому верность ему считалась основным условием причисления к обожествляемым в святилище Ясукуни. Классический пример: один из героев «реставрации Мэйдзи» Такамори Сайго не почитается здесь потому, что в 1877 г. возглавил знаменитое Сацумское восстание самураев, которое было направлено против нового правительства страны.

В основе обрядности в этом святилище лежал древний праздник умиротворения душ умерших. Согласно *синто*, душа - дух - *тама* присуща всей природе, поскольку она рождена, а не сотворена божественной парой богов-демиургов Изданами-Изданаги. *Тама* - концентрация духовной энергии - является источником жизни; покинув тело, она продолжает существовать, поэтому ее надо успокаивать, воздавать почести, умиротворять, поминать. Живущие почитают и утешают души умерших предков и различных божеств *ками*, тем самым они как бы восполняют запас жизненной энергии друг друга.

Митама мацури унаследовал элементы культа *горё*, т.е. поклонения душам людей, погибших трагически или при необычных обстоятельствах. Основа церемонии - успокоение душ этих людей, дабы отвлечь бедствия, которые они могут наслать. С этим же понятием связана церемония *ирэйсай*, посвященная умиротворению душ погибших насильственной смертью, которая проводится в святилище Ясукуни и его филиалах. Согласно древним памятникам, вера в возмездие со стороны разгневанных духов приняла форму веры в то, что разного рода политические потрясения, болезнь, смерть, в первую очередь, угрожают императорам. Таким образом, сразу закладыва-

лась связь святилища Ясукуни с императорским домом.

Древние японцы верили, что души умерших покидают тело, но остаются вблизи их прежних жилищ. Духи, продолжающие свое существование, не связаны с конкретным телом (в отличие от христианской концепции воскресения). Более того, считалось, что со временем они утрачивают свою индивидуальность и сливаются с главным духом предков, который обитает по соседству в лесу или на горе. Эта вера, очевидно, появилась в результате соединения поклонения предкам и анимизма. Именно из этой веры проистекает чрезвычайная важность ритуала *дайджёсай*, который является центральной частью обрядности интронизации в Японии. Она принципиально отличается от европейской церемонии коронации, главным в которой является передача законных прав и власти прежнего монарха преемнику. После этого объявляют о восшествии на престол нового монарха. В Японии же ритуал передачи императорских регалий преемнику совершается сразу же после кончины императора, а ритуал *дайджёсай* происходит позднее⁶.

Данный ритуал связан с участием каждого нового императора в уборке риса, которая проводится в первую осень после восхождения на престол. Этим подтверждается законность прав императора через мистическое единение с общим духом предков. На протяжении всей истории Японии главной церемонией восшествия на престол был *дайджёсай*, ключевой момент в котором, как уже говорилось, является передача духа императора. В мэйдзийскую эпоху появляется концепция «духа императора», согласно которой преемственность этого «духа» дает право наследования новому императору. Другими словами, в японской традиции интронизации важную роль играет духовная преемственность⁷. Преемственность по линии духа и крови обеспечивает непрерывность японской императорской династии.

Превращение *синто* в инструмент государственной политики шло вразрез с адаптивным рели-

гиозным сознанием японцев. Выделение одной религии нарушало баланс между *синто* и буддизмом, поскольку японцы воспринимали обе религии, так сказать, на паритетной основе. Впрочем, разрушить древнюю традицию сосуществования религий так и не удалось.

РАЗГОСУДАРСТВЛЕНИЕ *СИНТО*

Из-за государственного *синто* в послевоенные годы национальная религия напрямую ассоциировалась с существовавшим в предвоенные и военные годы авторитарным режимом и проводимой им политикой. Во многом именно эта ассоциативная связь в совокупности с другими факторами негативно сказалась на положении *синто* в контексте религиозной жизни в послевоенной Японии.

По инициативе оккупационных властей уже осенью 1945 г. был принят ряд документов, направленных на то, чтобы раз и навсегда ликвидировать государственный *синто*. Специальной директивой штаба союзных оккупационных войск «Об отмене государственного покровительства, увековечивания, управления и распространения государственного синто» от 15 декабря 1945 г. население полностью освобождалось от необходимости исповедовать официально поддерживаемую государством религию. Всем официальным лицам, находящимся при исполнении служебных обязанностей, запрещалось участие в проводимых в святилищах церемониях и оказание любой финансовой поддержки из общественных фондов, но разрешалась частная финансовая помощь любым святилищам.

Одновременно было проведено разграничение между государственным *синто*, который рассматривался как официальная политика правительства и определялся как «нерелигиозный национальный культ», и собственно *синто*. После отделения от государства и очищения от милитаристской и ультранационалистической риторики *синто* получил те же права, что и другие религии, и обрел статус религиозного юридического лица. Он стал рассмат-

риваться как традиционная религиозная практика, осуществлявшаяся на протяжении всей истории страны, имеющая непосредственное отношение к жизни людей. В соответствии с этим, храм *Ясукуни дзиндзя* стал независимым религиозным юридическим лицом, но не вошел в Ассоциацию синтоистских святилищ, которая объединила большинство из существовавших тогда 80 тыс. храмов.

Принятые документы были направлены на ликвидацию государственного *синто*, но, безусловно, затрагивали многие сферы жизни населения ввиду их неразрывной связи с национальной религией. Прежде всего, сфера образования была очищена от упоминания или использования *синто* в любой форме и любыми средствами. Но сделать это было не всегда просто. Ведь *синто* в широком понимании представляет собой базу формирования мировосприятия и мироощущения японцев и в определенной степени является ядром национальной культуры.

ПЕРИПЕТИИ ИМПЕРАТОРСКОГО СТАТУСА

Немаловажным фактором для решения проблем *синто* в послевоенные годы стало определение статуса императора и отношение к проводимым при его непосредственном участии синтоистским ритуалам. Принципиальный подход был найден: конституция признала императора «символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть»⁸. Однако на протяжении всего послевоенного периода не раз всплывали те или иные аспекты проблемы. В новогоднем обращении к нации 1 января 1946 г., которое известно как «Декларация человека», император Сёва (Хирохито) фактически публично отказался от своего божественного происхождения. Другими словами, он сменил статус «живого бога» на статус обычного человека. Но с теологической точки зрения, как в личной беседе разъяснил автору этих строк известный религиовед

М. Сонода, «Декларация человека» означает отказ не от древней традиции трактовки понятия «живого бога», а от ее новой абсолютистской интерпретации мэйдзийских времен⁹.

Отречение от «божественного происхождения» было вызвано, очевидно, тем, что император и правящая элита сочли необходимым сохранить преемственность японской государственности. Стержнем такой преемственности стали сохранение института императорской власти и определение нового статуса императора. Религиозный ритуал императорского двора потерял государственное значение и стал частным делом императора, который юридически утратил функции верховного исполнителя общенационального религиозного обряда, на чем основывался его религиозный авторитет как первосвященника *синто*. Весь комплекс проблем, связанных с императорским домом, был законодательно урегулирован, и, таким образом, отношения императора с *синто* утратили легитимную основу.

Однако постепенно наметилась тенденция возрождения общественного характера некоторых ритуалов императорского двора. Сначала они были объявлены частным делом монарха и совершались им только в дворцовых святилищах. С начала 1950-х гг. предпринимались попытки вывести религиозную деятельность императора за рамки дворца, появилась тенденция придавать некоторым синтоистским обрядам характер общественных актов. Наиболее ярко она обозначилась во время проведения ритуала престолонаследия Акихито, ныне здравствующего императора. Поскольку средства для проведения всех необходимых церемоний выделялись управлением императорского двора, они обретали характер государственного акта.

«СВЯЩЕННАЯ ГОРА» ПАВШИХ ВОИНОВ

Постоянно муссируемая в последние два-три десятилетия современная проблема святилища Ясукуни касается не только и не столько значимости святилища

как такового и проводимых в нем религиозных обрядов. Она связана не только с тем, как толковать эти церемонии: как чисто религиозные или имеющие характер государственных актов, но и с отношением к национальной истории как интерпретации тех или иных событий в стране и за рубежом. Речь идет, прежде всего, о различных оценках Второй мировой войны Японией, Китаем и Южной Кореей, об ответственности Японии, в частности, политиков и военных, которые вовлекли страну в войну. Вопрос об ответственности за войну до сих пор тесно увязывается с тем, насколько справедлив был Международный военный трибунал для Дальнего Востока (МВТДВ). Поскольку трибунал был учрежден победителями, у многих японцев осталось ощущение, что это не только юридическая процедура, но и политическая акция. Безусловно, нельзя отрицать, что Япония причинила огромный ущерб и страдания соседним азиатским странам в результате ее агрессии и колониального правления. Не случайно бывший премьер-министр Дзюнъитиро Коидзуми официально подтвердил, что Япония признала решения МВТДВ. Другими словами, проблема святилища Ясукуни представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных внутри- и внешнеполитических проблем - идеологии, восприятия истории, международных отношений.

Что касается религиозной составляющей проблемы Ясукуни, то, согласно *синтоистской* традиции, японцы верили в общение живых с душами умерших. Наиболее древним вариантом такого общения, как уже говорилось, считается ритуал *дайдзёсай* в системе интронизации, другим - *митама мацури* в святилище Ясукуни, во время которого совершается чисто религиозный обряд успокоения душ умерших. Это относится не только к ушедшим близким, но и ко всем, в т.ч. погибшим на войне или отдавшим свою жизнь на общее благо людей. «Поэтому для японцев, - пишет М. Сонода, - так же органично проведение *мацури* в память погибших на войне, как и в честь почитания *ками*. Думаю, что по-

требность в успокоении душ своих павших героев - это важная составляющая часть религиозных чувств японцев. Если пренебрегать такими чувствами, то можно поставить под угрозу само будущее Японии. Успокоение душ погибших солдат очень важно сейчас, когда прошло 50 лет после окончания войны. Когда мы станем думать обо всех, кто отдал жизни за нас, - не только на войне, но и в различных других случаях, то мы преисполнимся благодарностью ко всем окружающим. Это полностью отличается от проведения обрядов просто ради утверждения ультрационализма»¹⁰. В этих словах скрыта суть проблемы Ясукуни: трактовать эту церемонию как чисто религиозную или как государственный акт со всеми вытекающими последствиями, т.е. привносить идеологические и политические соображения.

Особый довоенный статус храма Ясукуни, который был наиболее важным святилищем после святилищ императорского культа (*дзингу*), сразу же сказался на его положении в послевоенный период. Все святилища приобретали в собственность занимаемые ими земли, включая сады, парки и заповедные зоны, в которых они располагались. Только святилище Ясукуни и его филиалы, признанные проповедниками милитаризма из-за поминовения в них душ погибших на войне, первоначально были лишены этого права. Они получили в собственность участки, на которых находились их здания, лишь после вступления в силу Сан-Францисского мирного договора в 1952 г. В то время в храме Ясукуни поклонялись уже душам 2,5 млн воинов.

Особенностью святилища Ясукуни является отсутствие на его территории каких-либо захоронений, останков или реликвий, нет даже могилы Неизвестного солдата. Здесь никогда не проводились церемонии похорон. Останки погибших солдат передавались семьям, которые почтили их соответствующими похоронными службами в буддийских храмах (в Японии похороны в подавляющем большинстве проводятся по буддийским канонам), а прах захоронили на местных

кладбищах. Дань памяти погибшим воинам отдается так же, как и всем умершим. Таким образом, к погибшим на поле брани относятся так же, как и к остальным почившим. Но, очевидно, на подсознательном уровне у многих японцев сохраняется вера в то, что святилище Ясукуни является своего рода «священной горой», где обитают души погибших воинов.

По установившейся с довоенных лет традиции, душа каждого погибшего на войне или военной службе называется *эйрэй*. Теперь павший воин принадлежит государству, т.е. соединяется с ним в единое целое. С этого момента его имя заносится в списки *ками* святилища Ясукуни. Оставшиеся в живых родственники в принципе лишаются возможности «заботиться» о нем. Погибший отныне «не принадлежит семье», как все другие предки, но «принадлежит» государству, потому только святилище Ясукуни имеет право отправлять поминальную службу по нему. Несмотря на ряд протестов здравствующих родственников против включения погибших близких в списки *ками* или требования исключения из них, все остается по-прежнему¹¹. Например, в феврале 2009 г. Высший суд г. Осака отклонил очередной протест родственников против коллективного обожествления 11 военнослужащих и гражданских лиц бывшей императорской армии в Ясукуни. Они считают это нарушением их прав воздавать почести и чтить память своих близких. Они также обвиняют государство в содействии святилищу получать необходимые документы для обожествления¹².

УПОКОЕНИЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Основная масса «обоженных» появилась после окончания Второй мировой войны. Сразу же после заключения Сан-Францисского мирного договора в 1951 г. началась кампания по освобождению из тюрем всех, кто был осужден по решению МВТДВ. Одновременно возникло движение за выплату государственных пенсий семьям тех, кто был приговорен к смерти по при-

говору МВТДВ или умер в тюрьме. По японским законам, пенсии не выплачивались тем, кто был приговорен судом к трем и более годам заключения. Однако парламент принял акт, согласно которому признанные виновными по приговору МВТДВ не считаются преступниками, с точки зрения японских законов, а, наоборот, признаются жертвами войны. Все без исключения политические партии поддержали этот закон, который был частью проводимой пенсионной реформы.

В 1959 г. началось «обожевление» в святилище Ясукуни лиц, признанных МВТДВ виновными в военных преступлениях. Военные преступники класса *B* и *C* (согласно английскому алфавиту) причислялись к списку душ почитаемых воинов. Немаловажную роль в этом процессе сыграло Бюро помощи репатриантам прежнего министерства здравоохранения и социального обеспечения, где многие бывшие военные получили работу и даже заняли руководящие посты. Правительство косвенно помогало святилищу обрести новых «обоженных», предоставляя необходимую для этого информацию о погибших: имя, год и место рождения, звание, к какой части принадлежал, где и когда погиб, - отказывая в таких просьбах другим религиозным организациям. К концу 1950-х гг. все находившиеся в заключении военные преступники были помилованы в соответствии с процедурой, одобренной союзными державами.

Именно сотрудники Бюро помощи репатриантам предоставили для почитания в Ясукуни в 1966 г. список главных военных преступников класса *A*: семеро из них были казнены через повешение, еще семеро умерли в тюрьме. Однако тогдашний настоятель святилища Фудзимаро Цукуба, представитель ветви Ямаина императорской семьи, не включил их в пантеон храма. По мнению главного редактора газеты «Асахи» Ёсибуми Вакамия, это было связано с тем, что тогда парламент обсуждал законопроект о возвращении Ясукуни статуса государственного святилища (в общей сложности проект вносился на обсуждение пять раз), и было бы неразумным

предпринимать достаточно сомнительные действия по причислению главных военных преступников к почитаемым в этом святилище¹³. В 1978 г., когда преемником почившего настоятеля стал бывший флотский офицер, не признающий решения МВТДВ, Нагаёси Мацудайра (сын бывшего министра двора Цунэо Мацудайра), 14 главных военных преступников были включены в списки Ясукуни святилища. При этом их определили как «мучеников эры Сёва»¹⁴.

История кампании за восстановление государственного статуса святилища Ясукуни подробно освещена в отечественной литературе¹⁵. Напомним лишь, что впервые с подобной инициативой выступили Японская ассоциация семей погибших на войне, часть правого крыла правящей ЛДП, местные отделения Лиги ветеранов войны, Ассоциация синтоистских святилищ и ряд правых организаций. Наиболее проницательные и дальновидные политики считали подобные действия весьма сомнительными, как например, бывший премьер-министр Эйсаку Сато, хотя среди его друзей были некоторые военные преступники класса А (Окинори Кая, Тэйити Судзуки). Он полагал, что следует отделять дружеские отношения от проблемы превращения Ясукуни в государственное святилище¹⁶. Требование восстановить государственный статус святилища в послевоенные годы не раз подкреплялось ссылками на то, что в других странах имеются различные мемориалы, где отдается дань памяти погибшим во время различных войн.

После окончания оккупации и обретения полной независимости предполагалось рассматривать святилище Ясукуни как мемориал погибшим на войне, где высокие иностранные гости воздавали бы им почести. После отказа вице-президента США Р.Никсона в 1953 г. посетить святилище в таком качестве правительство в 1959 г. установило неподалеку от него (в Тидоригафутти, район Тиёда) монумент неизвестным жертвам войны. Это вызвало резкий протест со стороны священнослужителей Ясукуни и



их сторонников. В 1986 г. премьер-министр Ясухиро Накасонэ уподобил святилище Ясукуни могиле Неизвестного солдата на Арлингтонском национальном кладбище в США. Но там представители любой конфессии могут проводить поминальные службы, что абсолютно невозможно в случае Ясукуни, которое принадлежит только синтоистской конфессии.

Более того, данное святилище принципиально отличается от других мемориалов тем, что, как уже говорилось, ни в нем, ни на его территории не имеется никаких захоронений. Об этом мало кто знает за рубежом. Бывший премьер-министр Японии Асо Таро рассказывал о том, что его однажды спросили: «Где в Ясукуни захоронены останки военных преступников класса А, которые были повешены?» Спросивший был чрезвычайно удивлен, услышав, что они похоронены в буддийском храме Коа Канон в г. Атами, преф. Сидзуока. Общий прах кремированных в одной печи в 1952 г. разделили на семь частей: шесть раздали семьям (отказалась только семья Хирота, т.к. прах всех перемешался), одну захоронили под Нагоя, где в 1959 г. был поставлен камень, памятную надпись на котором выполнил премьер-министр первых послевоенных лет Сигэру Ёсида¹⁷.

Святилище Ясукуни как религиозное учреждение представля-

Китайцы считают, что паломничество японских премьеров в святилище Ясукуни подпитывает милитаристские настроения.

ет собой часть исторической памяти народа. Это возможность почтить память, в т.ч. и солдат, которые были против войны, но шли в бой по приказу государства. Есть свидетельства того, что солдаты перед боем обычно говорили друг другу: «Встретимся в Ясукуни». Вполне можно принять точку зрения Кадзухико Того, внука военного преступника класса А Сигэнори Того, бывшего министра иностранных дел в кабинете Тодзио, который начал войну, и кабинете Судзуки, при котором она закончилась. Он говорит, «что следует уважать национальную память о том, что многие солдаты умирали с уверенностью, что воссоединятся в Ясукуни. Это важное национальное наследие. Тем, кто бережно хранит память об отцах, мужьях и других родственниках, будет трудно принять любое другое место скорби, кроме святилища Ясукуни»¹⁸.

В ПОИСКАХ НЕЙТРАЛЬНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕМОРИАЛА

В настоящее время не существует никакой проблемы с проведением ежегодной торжествен-

ной мемориальной церемонии 15 августа, когда отмечается годовщина окончания Второй мировой войны, или с почитанием погибших на войне в обычных *синтоистских* святилищах, почитанием военных преступников класса А в буддийском храме Содзидзи в г. Иокогама. Проблема почитания военных преступников наряду с другими павшими воинами вызывает острейшие споры лишь в связи с Ясукуни, ввиду его особого исторического положения. Высказывается идея создания филиала святилища, где поминались бы только военные преступники класса А. Предполагается, что это будет отдельное святилище, наподобие святилища Того, посвященного памяти адмирала Хэйхатиро Того, героя войны с Россией в 1904-1905 гг.

Но это невозможно сделать, во-первых, исходя из традиционного отношения японцев к предкам и миру духов, во-вторых, поскольку в этом святилище сохраняется почитание военных преступников класса В и С. Альтернативой такому предложению является идея удаления из списков Ясукуни имен главных военных преступников. Яркий противник этой идеи - нынешний настоятель Тосиаки Намбу, объясняя невозможность такого подхода, приводит следующее образное сравнение. Можно долить в чайник чашку воды, но после уже нельзя вылить из него чашку той же воды¹⁹. Кроме того, в силу исторической традиции, особенностей мировосприятия и мироощущения, люди, приходя в это святилище, все равно будут отдавать дань памяти всем погибшим, не озабочиваясь

их делением. В этом смысле можно принять объяснение бывшего премьер-министра Коидзуми о том, что осенью 2006 г. во время большого осеннего праздника святилища Ясукуни он посетил его «как и все граждане».

Проблему Ясукуни усложняет находящийся в его ведении военный мемориальный музей Юсюкан. Он был перестроен в 2002 г. и представляет собой весьма впечатляющее сооружение. В нем представлена довоенная и военная история Японии так, как она интерпретируется в святилище Ясукуни. Это стало возможным в соответствии с послевоенным законодательством, которое не допускает вмешательства правительства в дела управления религиозными организациями. Однако это не национальный военный музей, в концепции которого была бы представлена вся полнота истории. По мнению Кадзухико Того, «Ясукуни дзиндзя - это не место, где должен быть представлен лишь односторонний взгляд на историю страны. Святилище Ясукуни, возможно, сыграло полезную роль, сохраняя традиции и взгляды предвоенной Японии. Однако, сегодня, спустя 60 лет, когда существуют разные взгляды на войну, пришло время для Ясукуни вернуться к его главной функции - скорбеть в соответствии с *синтоистской* традицией по тем, кто отдал жизнь за свою страну. Функции Юсюкан должны быть отделены от Ясукуни, а в случае необходимости, перенесены в другое место»²⁰.

В последние годы среди парламентариев дискутируется проблема создания нового нацио-

нального мемориала, где воздавались бы почести «всем погибшим в войнах, в которые Япония была вовлечена с эпохи Мэйдзи». Предполагается, что его сооружение должно быть субсидировано правительством. Новый, открытый для представителей всех конфессий мемориал, очевидно, снял бы многие противоречия в отношениях с соседними странами и полностью отвечал бы принципам японской конституции²¹. Другими словами, речь идет о сооружении нейтрального нерелигиозного национального мемориала павшим в войне.

Однако подобная идея пока не встречает особой поддержки в обществе. Такой мемориал мог бы посещать император, который прекратил посещения храма Ясукуни после обожествления в нем военных преступников. Со стороны управления императорского двора делались неопределенные намеки на то, что император эпохи Сёва (Хирохито) перестал посещать святилище, поскольку ему было неприятно почитание в нем главных военных преступников. В 60-ю годовщину окончания войны были обнародованы дневники крупного чиновника управления императорского двора Томохико Томита, подтверждающие такую позицию императора: «Вот почему я перестал посещать святилище. Это я делаю по велению сердца»²². Однако, несмотря на преклонный возраст, император Сёва всегда присутствовал 15 августа на общенациональных поминальных службах по погибшим в войне.

(Окончание следует)

¹ Biden warned Abe about visiting Yasukuni Shrine // South China Morning Post, 29.01.2014.

² Японцы о Японии. СПб, 1904. С. 530.

³ Там же. С. 34.

⁴ Бунгэй сюндзю. 1995, № 6. С. 38.

⁵ Подробнее см: Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии. М., 1999. Гл. 2-3. (Molodyakov V.E. 1999. Konservativnaya revolyutsiya v Yaponii. Ch. 2-3) (in Russian)

⁶ Подробнее см: Нихондзин-но рэйкон то Ясукуни дзиндзя (Душа японца и храм Ясукуни). Voice, August, 2003, p. 98-109.

⁷ Орикаси Синобу. Дайдзёсай-но хонги (Истинная сущность дайджёсай). Токио, 1928. С. 49.

⁸ Современная Япония. М., 1973. С. 756.

⁹ Подробнее: Молодякова Э.В. Историческая преемственность: император Сёва // Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003. С. 34-54. (Molodyakova E.V. 2003. Istoricheskaya preemstvennost: imperator Syova // Yaponiya vtoroi poloviny XX veka. M.) (in Russian)

¹⁰ Сонода Минору. Мир синто. М., 2001. С. 63.

¹¹ Hardacre Helen. Shinto and the State 1868-1988. Princeton, 1989. P. 148.

¹² Киодо цусин. 26.02.2009.

¹³ Japan Echo. Vol. 32, № 5 (2005, October). P. 24.

¹⁴ Мураками Сигэси. Сюкё-но Сёваси (История религии в эпоху Сёва). Токио, 1985. С. 43.

¹⁵ Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии. Мифы. История. Доктрины. Политика. М., 1990; Маркарян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии. М., 1990.

¹⁶ Тью корон. 2005. № 8. С. 36.

¹⁷ Japan Echo. Vol. 33, № 5 (2006, October). P. 18.

¹⁸ Far East Economic Review. 2006. June - <http://www.feer.com/2006/0606/free/p005.html>

¹⁹ Japan Echo. Vol. 33, № 2 (2006, April). P. 13.

²⁰ Far East Economic Review. 2006 ...

²¹ Асахи симбун. 10.11.2005.

²² Japan Echo... P. 25-26.